

Ёлки

4 действия без антракта

Действие первое

Пешеходная улица в центре города. На временной сцене играет симфонический оркестр. Поет девушка. Перед сценой толпа. Толпа представляет собой черно-белые распечатки-стойки людей. Сгруппированных по 2-3-4 человека. Идет митинг. Время от времени «люди» меняются местами. Погода отвратительная. Из толпы выделяется пара человек, 35-40 лет.

ПЕРВЫЙ: И как тебе эта погодка?

ВТОРОЙ: Вообще мрак!

ПЕРВЫЙ: Мрак! Да пока я сюда добрался, я чуть не сдох. Это весна? Вот это – весна?! Вот эти долбанные метель и ветер – это весна, я тебя спрашиваю?!

ВТОРОЙ: А чего ты меня спрашиваешь?! Я тебе метеоролог что ли?

ПЕРВЫЙ: Я абстрактно. Я поддержки ищу. Руку же протянешь и уже не видно кончиков пальцев!

ВТОРОЙ: Ни зги не видно!

ПЕРВЫЙ: Вот! Я же реально сюда пришел по гугл-мапс! Вот если бы в планшете не было жпс с жпрс, я бы реально сюда не добрался. Весна, блин!

ВТОРОЙ: Да походу у нас весна тоже существует «реально» и «по документам».

Пауза, переглядываются.

ХОРОМ: Долбанные коррупционеры!

ПЕРВЫЙ: Я готов поспорить, что всю весну уже полгода как вывезли на какую-нибудь губернаторскую дачу! И сейчас где-нибудь в Кузьминках...

ВТОРОЙ: На Мальдивах

ПЕРВЫЙ: Логично. И сейчас где-нибудь на Мальдивах отличная погода!

ВТОРОЙ: Не удивительно!

Оркестр доигрывает композицию

ПЕВИЦА: Губернатора долой! Губернатора долой!

ВСЕ: Губернатора долой! Губернатора долой!

ПЕВИЦА: Мы собрались здесь, потому что это наше право! Пусть погода и власть против нас, пусть сегодня пришли только сотни, но мы знаем – с нами миллионы! Нет коррупции и беспределу!

ВСЕ: Нет коррупции и беспределу!

ПЕВИЦА: Нет взяткам и произволу!

ВСЕ: Нет взяткам и произволу!

ПЕВИЦА: Хватит это терпеть!

ВСЕ: Хватит это терпеть!

ПЕВИЦА: Да диктатуре народа!
 ВСЕ: Да диктатуре народа!
 ПЕВИЦА: Да законности и порядку!
 ВСЕ: Да законности и порядку!
 ПЕВИЦА: Вместе победим!
 ВСЕ: Вместе победим!
 ПЕВИЦА: Да?
 ВСЕ: Да!
 ПЕВИЦА: Да?!
 ВСЕ: Да!!
 ПЕВИЦА: Я не слышу вас!
 ВСЕ: ДААА! ДААА! ДААА!
 ПЕВИЦА: По-бе-да! Я люблю вас!

Одобрительные крики и свист, концерт продолжается.

ВТОРОЙ: Мне вот интересно...

ПЕРВЫЙ: Что именно?

ВТОРОЙ: Как он туда рассаду возит?

ПЕРВЫЙ: Кто?

ВТОРОЙ: Губернатор на Мальдивы. У него же там дача. Значит должен возить рассаду. Вот мне и интересно, у него торфяные горшочки или майонезные баночки?

ПЕРВЫЙ: Ты с ума сошел? Переморозился? На хрена на Мальдивах рассада?? Это же идиотизм.

ВТОРОЙ: Не скажи. С местными почвами и краденой весной там должны расти чудные помидоры. Губернатор конечно подлец. Но не дурак! Ох, не дурак.

На первый план выходят следующие герои. 23-25 лет

ТРЕТИЙ: Давно здесь?

ЧЕТВЕРТАЯ: Да вот только подошла.

ТРЕТИЙ: Чертова погода.

ЧЕТВЕРТАЯ: Чертова погода. Ветер воеет как чумной. Аппаратуру еле слышно.

ТРЕТИЙ: И это еще надо сказать властям спасибо за митинг.

ЧЕТВЕРТАЯ: С какой это радости? Они его в последний момент согласовали да еще и перенесли!

ТРЕТИЙ: А ты посмотри на площадь.

ЧЕТВЕРТАЯ: Да чего там смотреть – ни бельма ж не видно. Ни бельма, ни ёлок. Снег и ветер чертов.

ТРЕТИЙ: Вот! А разрешили бы нам на центральной площади собраться – смелО бы всех к чертовой бабушке. А здесь хоть дома прикрывают. Так что спасибо властям – позаботились. Себе на голову. Вот разрешили бы, где

лучше нам – было бы лучше им, а разрешили где лучше им и – опа! Сюрприз! – хорошо то нам!

ЧЕТВЕРТАЯ: Это все не благодаря, а вопреки! Если бы они проверили прогноз погоды, или, вернее, если бы идиоты-синоптики хоть раз в жизни дали бы точный прогноз, они бы согласовали бы нам шествие воздушных змеев на набережной!

ТРЕТИЙ: Всё, завелась! Пошутить нельзя!

ЧЕТВЕРТАЯ: Да какие шутки! Заявляли пять тысяч человек, а пришло от силы 150! Эти сволочи даже ОМОН сегодня не пригнали – совсем не уважают!

ТРЕТИЙ: Да, может, пожалели просто. Хороший хозяин в такую погоду собак на улицу выпускать не станет – даже цепных и сторожевых.

ЧЕТВЕРТАЯ: Даже этих беспородных шавок!

ТРЕТИЙ: Ну не перегибай палку. Крепкие, хорошие ребята. Были бы за нас, ты бы им морды целовала.

ЧЕТВЕРТАЯ: Хрен с ним, с ОМОНОм. То есть с ОПОНОм.

ТРЕТИЙ: С чем, с чем?

ЧЕТВЕРТАЯ: Отряд ПОЛИЦИИ Особого Назначения. Или в ОМОНе только милиционеры-староверы служат?

ТРЕТИЙ: Ага. И бьют протестующих только двумя перстами, то есть дубинками. И соответственно ютятся в кельях, придают себя аскезе по монастырям. О! Вот потому и ОМОН! От слова «Монастырь»! Или нет! Еще поэтичней «Монастырский Отряд Особого Назначения». «Moon». Oh, I'm fliing to the MOON and back...

ЧЕТВЕРТАЯ: Придурок! Хрен, с ними с этими ОПОНОм, и ОМОНОм. Все равно близнецы-братья. Где телевизионщики?

ТРЕТИЙ: Где-где. Застряли по сугробам, тащутся пешком и клянут нас на чем свет стоит. Аппаратура эта еще дорогушая. Кутают ее и в куртки и в полиэтилен, сами мерзнут, но идут.

ЧЕТВЕРТАЯ: О господи, ты представляешь, что завтра будет в новостях?

ТРЕТИЙ: А что будет?

ЧЕТВЕРТАЯ: Да ничего не будет! И это в лучшем случае. А в худшем разрисуют наш митинг как сборище любителей подлédного лова, лицемеров и авантюристов – заявили пять тысяч, а пришло пятьдесят человек. Это же позор!

Оркестр доигрывает композицию

ПЕВИЦА: Позор властимущим!

ВСЕ: Позор!

ПЕВИЦА: Позор насильникам демократии!

ВСЕ: Позор!

ПЕВИЦА: Позор жуликам и ворам!

ВСЕ: Позор! Позор! Позор!

ПЕВИЦА: Победа будет за нами!

ВСЕ: ДААА! ДААА! ДААА!

Одобрительные крики и свист, концерт продолжается.

ТРЕТИЙ: Не бойсь, всё будет хорошо. Пусть не сегодня. Но мы своего добьемся.

ЧЕТВЕРТАЯ: Дай-то бог.

ТРЕТИЙ: Сами возьмем, если будет нужно.

ЧЕТВЕРТАЯ: Правильно. Не расклеиваемся. В бой!

На первый план выходят следующие герои. Пожилые. Профессора.

ПЯТЫЙ: А хорошо дерут, черти! Где их только взяли!

ШЕСТОЙ: И не говори! Сегодня просто день вибраций! Эта симфония, этот рок – это то, что полностью отражает внутренне состояние народа. Буря, грядет буря! В природе, в музыке, в обществе.

ПЯТЫЙ: Ты смотри – так и щерятся смычками, так и щерятся! Будто ёж какой.

ШЕСТОЙ: Ничего, скоро мы поднимем эту власть «на смычки»! Мало не покажется.

ПЯТЫЙ: О! Духовые вступили!

ШЕСТОЙ: Грянули как пушки!

ПЯТЫЙ: Простите, я конечно Вас безумно уважаю, но Ваши аллегории сегодня бедны!

ШЕСТОЙ: Что делать, что делать, дорогой Вы мой человек! Возраст, возраст. Не наше дело по митингам уже бродить, не наше! Но сердце-то болит, душа-то ноет! Да и то, право слово, есть из-за чего. Ведь сколько лет консерватория простояла в центре города, сколько лет! И здание, здание-то исторической ценности! Но ничего... Отовсюду вычеркнули, из охранных бумаг убрали. И что теперь? Ресторан! Ре-сто-ран! Сборище нахапавших плебеев! Они в этих стенах жрут! Понимаете, жрут! В этих великих стенах, в которых звучали голоса... Эх, да что я Вам рассказывать буду!

ПЯТЫЙ: И не говорите! Как вспомню, так вздрогну!

ШЕСТОЙ: А знаете, кто у них музицирует за роялем?

ПЯТЫЙ: Кто?

ШЕСТОЙ: Вероника Семенова.

ПЯТЫЙ: Да неужто!

ШЕСТОЙ: Честное слово! Лучшая наша ученица, такие перспективы были... И пожалуйста – «тапёр». Слово-то какое не изящное! Да и рояль у них скажу я Вам – говно!

ПЯТЫЙ: Аркадий Ильич!...

ШЕСТОЙ: Каюсь, каюсь... Но оторопь же берет от этих ужасов!

ПЯТЫЙ: И не говорите...

ШЕСТОЙ: А слышали, кем Элеонора Викторовна трудоустроилась?

ПЯТЫЙ: Элечка?

ШЕСТОЙ: Да.

ПЯТЫЙ: Нет, не слышал. А куда, кем?

ШЕСТОЙ: А в тот же ресторан.

ПЯТЫЙ: Шансонеткой?

ШЕСТОЙ: Какое там... Посудомойкой.

ПЯТЫЙ: Боже мой... Благородный человек, такой талантливый преподаватель... Почему же она не поет?

ШЕСТОЙ: А не дают. Говорят «не сексапильна».

ПЯТЫЙ: Не сексапильна? Так им что, титьки на ножках петь должны?

ШЕСТОЙ: Да, Ольга Лещева как раз и поет.

ПЯТЫЙ: Эта бездарность? ЭТА ВУЛЬГАРНАЯ БЕЗДАРНОСТЬ – ПОЕТ? А Элечка посуду моет??? Господи...

ШЕСТОЙ: Что с Вами?

ПЯТЫЙ: Валидол...

ШЕСТОЙ: Михаил Прокопьевич! Михаил Прокопьевич!

Шестой подхватывает пятого, судорожно роется по карманам. Внезапно снег, ветер и оркестр стихают.

ПЕВИЦА: Посмотрите на площадь!

В толпе раздаются несколько удивленных вскриков.

ПЕВИЦА: Вам обещали, что деревья не тронут. Вам обещали, что никакого строительства не будет. Но эти мрази не знают границ и не знают, что такое честь! Посмотрите на площадь!

ИЗ ТОЛПЫ: Мрази! Сволочи!

ПЕВИЦА: Под покровом ночи, в бурю, эти ироды начали уничтожать наш любимый сквер, чтобы построить на его месте свой очередной торговый центр, от которых уже негде продохнуть в городе! Посмотрите на площадь!

КТО-ТО: Да там и смотреть уже не на что!

ИЗ ТОЛПЫ: Правильно!

ПЕВИЦА: Неужели им всего мало? Неужели нельзя оставить этот уголок природы в центре города в покое? Это наш фонтан с детства! Это наши дорожки и дорожки наших детей! Эти деревья сажали наши прадеды! Но смотрите! С какой бессовестной и очевидной наглостью они начали зачистку. Ночью. Перед митингом. Бравируя своей безнаказанностью, они свалили первые вековые ели! Посмотрите на площадь!

ИЗ ТОЛПЫ: Ироды!... Это не люди, это ироды! Они же ради бабок мать родную продадут, павлики морозовы капиталистические! На людей же им наплевать! Губят красоту ради собственного кармана!

ПЕВИЦА: Посмотрите на площадь...

ИЗ ТОЛПЫ: Твари! Творят беспредел! Нас же мордой просто в навоз ткнули! Это же уже через край! Это же прямо в рожу плюнули! Ткнули и плюнули, твари! Ткнули и плюнули!

ПЕВИЦА: Посмотрите на площадь.

ИЗ ТОЛПЫ: Ёлки! Твою ж мать, ёлки! Ёлки зеленые! Я и сына и дочь у них каждый год фотографировал! Ёлки вы зеленые мои! Все говорил ребятам, мол, посмотрите, кто быстрее растет!

ПЕВИЦА: Посмотрите на площадь!

ИЗ ТОЛПЫ: Доколе терпеть-то будем?! Креста же на них нет! Они же весь город снесут и под асфальт закатают, чтобы парковка у этого центра получше была! А нам – катитесь куда знаете!

ИЗ ТОЛПЫ: Эти смогут! Ни перед чем не остановятся!

ИЗ ТОЛПЫ: Ни стыда ни совести!

ПЕВИЦА: Посмотрите на площадь! Посмотрите на площадь!! Посмотрите на площадь!!!

Начинается всеобщий галдеж и вой. Толпа беснуется, звучат нечленораздельные крики и мат. Среди этого гама неожиданно резко и внятно кто-то кричит:

КТО-ТО: Все идем к губернатору!

ИЗ ТОЛПЫ: Правильно! Идем! Тут до администрации рукой подать!

Люди двигаются с площади.

Действие второе

Холл здания администрации области. Турникет, будка с вахтером, лет 60. Охранник-милиционер, лет 30.

ВАХТЕР: Волгоград

ОХРАННИК: Донецк

ВАХТЕР: Киров

ОХРАННИК: Вологда

ВАХТЕР: Астрахань

ОХРАННИК: Нарьян-Мар

ВАХТЕР: Что?

ОХРАННИК: Нарьян-Мар

ВАХТЕР: Серьезно? Нарьян-Мар? А что ж не Кальян-Бар?

ОХРАННИК: Я там служил!

ВАХТЕР: В Кальян-Баре?

ОХРАННИК: В Нарьян-Маре!

ВАХТЕР: Да тебя послушать – ты везде служил! И в Череповце, и в Бобруйске, и в Гусе Хрустальном, и в Курице Стеклоанной. Вот скажи, скажи, что ты делал в Нарьян-Маре?

ОХРАННИК: Груз 200 сопровождал.

ВАХТЕР: Что?

ОХРАННИК: Гроб цинковый. Парень-срочник подорвался. На родину везли. В Нарьян-Мар. Нарьян-марец он был.

ВАХТЕР: И?

ОХРАННИК: Что «и»?

ВАХТЕР: Что ты чувствовал? Всегда было интересно, о чем думает человек, когда смерть вот так, рядом.

ОХРАННИК: Думал: «Хорошо бы родители гроб не стали открывать».

ВАХТЕР: Так посекло?

ОХРАННИК: Нет. Посекло ноги, ну и живот. А потом вскрытие. И череп зачем-то. В общем. Не хорошо.

ВАХТЕР: А зачем так?

ОХРАННИК: Кто же их знает.

ВАХТЕР: Даа, дела...

ОХРАННИК: Тебе на «р».

ВАХТЕР: Ростов

ОХРАННИК: Ростов было

ВАХТЕР: Было Ростов-на-Дону

ОХРАННИК: Да ну!

ВАХТЕР: Опять! Третий раз не смешно уже!

ОХРАННИК: А что ты каждый раз ведешься?

ВАХТЕР: Как думаешь, сегодня народ вообще будет?

ОХРАННИК: Да откуда. Весна же. В садах все, да на пикниках. Снеговиков лепят.

Оба ржут.

ВАХТЕР: Да, такой весны не припомнят старожилы.

ОХРАННИК: Меня всегда интересовало, что они там сторожат. И почему должны все помнить.

ВАХТЕР: Кто?

ОХРАННИК: Старожилы. Они типа нас с тобой, или они сад с яблоками сторожат? Мне почему-то в детстве при слове «старожилы» всегда представлялся дядька в полушубке, шапке-ушанке, с ружьем с солью и обязательно в яблоневом саду. А запоминает он все, видимо, от нечего делать.

ВАХТЕР: Эх ты, лапоть! СтАрожи́лы. Потому что старые и живут долго. Потому и помнить должны многое. А если не помнят – значит такого отродясь не бывало.

ОХРАННИК: А ты почем знаешь, что «старожилы», а не «сторожилы».

ВАХТЕР (достаёт газету): Потому что если «сторожилы», то «большой кусок бревна в месте публичной казни» - «плоха». Оно, конечно, плохо, если казнь, но все же «плаха».

ОХРАННИК (смотрит в газету): Ну да логично. Что там еще осталось?

ВАХТЕР: Левый приток Оби.

Входит спортсмен. Он в синих шортах, новенькой белой майке-алкоголичке, с красным пионерским галстуком и в синей пилотке.

СПОРТСМЕН: Физкульт-привет труженикам тыла!

ОХРАННИК: Салют.

ВАХТЕР: День добрый.

СПОРТСМЕН: Как служба?

ОХРАННИК: Идет помаленьку.

СПОРТСМЕН: Где у вас тут стратегический объект?

ОХРАННИК: Типа?

СПОРТСМЕН: Типа уборная.

ВАХТЕР: До конца по коридору и налево.

СПОРТСМЕН: Ага, спасибо.

ВАХТЕР: Съёмки-то скоро начнутся?

СПОРТСМЕН: Да уже с минуту на минуту должны приступить.

Звонили, говорят группа на подходе. Погода эта... Из-за нее задерживаемся.

ОХРАННИК: Что за кино снимете хоть?

СПОРТСМЕН: Коммерческая тайна пока.

ОХРАННИК: Да ну?

СПОРТСМЕН: На полном серьезе – все подписали документы о неразглашении.

ВАХТЕР: Не устали ждать-то?

СПОРТСМЕН: Да не, мы разминаемся пока в холлах. На втором и на третьем. Я пойду.

ВАХТЕР: Ну удачи, удачи.

Спортсмен уходит.

ОХРАННИК: Какой приток Оби?

ВАХТЕР: Левый.

ОХРАННИК: Сосьва?

ВАХТЕР: Подходит. Откуда знаешь?

ОХРАННИК: Да они вечно одни и те же притоки Оби пихают. Если левый, то Сосьва. Если правый – значит Чулым. Как будто других нет. За столько лет мог бы уже выучить.

ВАХТЕР: А молодцы ребята.

ОХРАННИК: Кроссвордисты?

ВАХТЕР: Киношники. В кино хорошие деньги. Вот кстати и ты мог бы сниматься.

ОХРАННИК: Я?

ВАХТЕР: Ты-ты.

ОХРАННИК: А ты чего?

ВАХТЕР: А я нет.

ОХРАННИК: А я то чего?

ВАХТЕР: Комплекция у тебя подходящая. И эта, как её. Фактура. Мог бы запросто с ними и подрядиться.

ОХРАННИК: Да зачем мне это надо? Они ж массовка, быдло актерское. Бегают туда сюда, как им режиссер прикажет. Дубль такой, дубль сякой. По тыщцу раз одно и то же повтори и улыбайся, улыбайся, улыбайся. Сдохни, но улыбайся. Никакой ответственности. Серая масса. Знаешь что? Я их

презираю. Никаких решений не принимают. Какое в этом может быть удовольствие. То ли дело мы. Ответственность. Положение. Хочу пропущу. Хочу не пропущу. Власть.

В холл начинают вваливаться люди. Живые и распечатки с площади, толпа растет в течение всего разговора.

ОХРАННИК: Так граждане, вы по какому вопросу?

КТО-ТО: Мы к губернатору.

ВАХТЕР: Вы записаны?

ИЗ ТОЛПЫ: Какая разница?

ОХРАННИК: Вы. Записаны?

КТО-ТО: Нет.

ОХРАННИК: Попрошу очистить помещение!

ИЗ ТОЛПЫ: Я тебя сам очищу!

ОХРАННИК: Чтоооо?

КТО-ТО (резко человеку из толпы): Молчать! (спокойно) Сегодня приемный день.

ОХРАННИК: По записи.

ИЗ ТОЛПЫ: Вот я тебе и пропишу...

КТО-ТО (резко): Выведите его вон! (спокойно) Мы узнавали: сегодня в порядке живой очереди. И она перед вами.

Толпа достигает максимума. В небольшом холле скапливается человек 50. Есть несколько телевизионщиков с камерами.

ОХРАННИК: По записи.

КТО-ТО: Нет.

ОХРАННИК: Всех не пущу.

КТО-ТО: Почему же?

ВАХТЕР: Молодые люди! Это как минимум не вежливо – явиться на прием без приглашения такой толпой. И вообще, зачем вам губернатор?

КТО-ТО: Хотим поговорить.

ВАХТЕР: Тем более! Если вас уже такая толпа – так и разговаривайте между собой! Что вам, собеседников мало? Мы вон с Сергей Сергеевичем каждый день только вдвоем и беседуем, и ничего – нормально!

КТО-ТО: Хорошо. Мы выберем делегатов. Думаю, человек 5-7 будет вполне достаточно.

ВАХТЕР: Более чем!

В результате небольшого совещания от толпы отделяется 6 человек.

КТО-ТО: Мы готовы.

ОХРАННИК: Проходите. А остальные пускай выметаются!

КТО-ТО: Ребята, подождите снаружи. Уже не метет.

ОХРАННИК: И у дверей можно не толпиться!

ВАХТЕР: Только, пожалуйста, аккуратней, у нас кино снимают.

Смена локации. По коридору третьего этажа к холлу идет делегация. Вдоль коридора стоят «пионеры».

ПЕРВЫЙ: Ты погляди на них! Кино они снимают! Совсем им делать в администрации нечего. Оборзели.

ШЕСТОЙ: А вы обратили внимание, какая лестница? Ступени – как мраморные щеки. Широченные.

ТРЕТИЙ: Ага, только щетина клочьями.

ШЕСТОЙ: Это вы про ковер?

ТРЕТИЙ: Про него. Выщипанный.

ВТОРОЙ: Так сколько тут просителей-давателей шаркает.

Делегация приближается к кабинету губернатора. От стены отделяется сидящий атлет, преграждает идущим дорогу и берется за ремень портфеля кого-то.

АТЛЕТ (мягко): Можно я посмотрю, что у Вас в сумке?

КТО-ТО: Простите, но на каком основании?

В коридор запоздало входит Четвертая:

ЧЕТВЕРТАЯ: Интересно, а где камеры?

Еще один спортсмен закрывает отход по коридору.

АТЛЕТ (нехорошо улыбаясь): Камеры будут. На всех хватит.

На группу делегатов бросаются «пионеры». Возня. Давка. Всё кончено. Атлет широко улыбается, глядя в паспорт. Портфель, мертвенно открыв двузубую пасть, валяется на полу и кашляет агитками.

АТЛЕТ: Вячеслав Петрович Топь. Какая у вас интересная фамилия. Болотная.

ТОПЬ: Как будто вы первый раз ее слышите.

АТЛЕТ: Вячеслав, Вячеслав Петрович. Вы, кажется, хотели видеть губернатора?

ТОПЬ: Мы все хотели.

АТЛЕТ: Ну раз хотели – отчего же не повидаться. Только не все, не все. Как невежливо в гости, да без приглашения, да такой толпой.

ТОПЬ: До чего же вы все одинаковые! 50 человек вам много, 6 человек – много. Вам бы было хорошо, если бы людей вообще не было, один электорат.

АТЛЕТ: Мне, честно говоря, и электорат не нужен.

ТОПЬ: Но мы имеем право! Сегодня приемный день!

АТЛЕТ: Конечно, конечно имеете! Но я надеюсь, вы уполномочены говорить от лица товарищей?

ТОПЬ: Пожалуй...

АТЛЕТ: Ну так проходите!

Двери кабинета открываются.

Действие третье

Кабинет губернатора. Стол сталинский. За столом окно чуть не во всю стену. За окном балкон. Под балконом толпа. За столом губернатор. Перед ним Топь и Атлет.

ГУБЕРНАТОР: Вячеслав Петрович, дорогой вы мой человек! Сколько лет, сколько зим!

ТОПЬ: Мы лично не знакомы, кажется.

ГУБЕРНАТОР: Да полно вам! В наш век информации все знакомы, все друг другу друзья. А если не друзья, так друзья друзей – точно!

ТОПЬ: Вы мне не друг.

ГУБЕРНАТОР: Это ничего! Зато я внимательно слежу за вашими новостями, Вячеслав Петрович! Или лучше называть вас по никнейму - «Дракон»? Всё, всё отслеживаю. Сопереживаю, можно сказать.

ТОПЬ: Лучше бы вы сопереживали народным деньгам.

ГУБЕРНАТОР: Ой сопереживаю, так сопереживаю... Они же мне как родные, как свои собственные можно сказать!

ТОПЬ: Вот это искренне сейчас.

ГУБЕРНАТОР: А чего таиться? Здесь все свои. Поймите, Славочка. Деньги как дети. Чужие растут быстро. И если ты пригрел сироту из детдома, ты, как человек искренний, будешь относиться к нему как к родному! И здесь то же самое! Как глава региона я принял на себя обязанность заботиться о народных деньгах... И не по-человечески относиться к ним как к чужим! Они же как дети малые... А значит нужно признать их своими, принять такими какие они есть! И растить!

ТОПЬ: А вы романтик!

ГУБЕРНАТОР: Не без гордости замечу, что да. В наш век технологий хочется быть романтиком. Так устаешь от этой мелочной суеты... Все эти стройки, благоустройства, коммунальное хозяйство... Пакость! Без лиры в душе кусок в горло не лезет. Верите, нет, иногда в обед смотришь так на бутерброд с икрой – равнодушие. Полнейшее равнодушие. Никакого желания не вызывает. Как подметка от старого ботинка. А глаза закроешь... Озерцо себе представишь... Лесок... Птички фюить-фюить... Первые, утренние, рассветные. Краешек солнца за небо цепляется, удочка подрагивает, костерок потрескивает. На костерке котелок, а в нем ушица. Из карасиков. Ничего особенного – картошка там, моркошка, лучок, рыбка да соль. Ну перчик с

зеленю. Выловишь карасика из этого варева – и только тогда, когда его отчетливо, во всех жилочках представишь – только тогда этот бутерброд-то проклятый и съешь!

ТОПЬ: Что ж вы себя как изводите, не бережете себя! Далась вам эта икра, если так хочется на берегу у озерца посидеть!

ГУБЕРНАТОР: Так ведь на дачу не каждый день выберешься! А в этом году так вообще – погода подкачала... Такое горе! И ведь не лень вам было в таких условиях всё организовывать! Сколько там было?

АТЛЕТ: 113 человек.

ГУБЕРНАТОР: 113 человек! А заявляли сколько?

АТЛЕТ: Пять тысяч.

ГУБЕРНАТОР: Пять тысяч. Не густо пришло.

АТЛЕТ: Не густо.

ГУБЕРНАТОР: А 113 человек – это включая музыкантов?

АТЛЕТ: Нет, это участники. Музыкантов – 23 человека, певица одна штука.

ГУБЕРНАТОР: Вот! Такая штука, а всё зря.

ТОПЬ: Почему же зря?

ГУБЕРНАТОР: Действительно, почему же зря. Хороший концерт получился. Вы кстати, каким образом губернский оркестр привлекли?

ТОПЬ: У меня есть связи.

ГУБЕРНАТОР: Хахаха! Прямо до слёз! «У меня есть связи!» Скажете же такое! Ой ты господи... Вай фай что ли? Хахаха! А вы, Славочка, молодец! Не теряете присутствия духа! Может потому и концерт вышел хороший! Скрипочки эти – труляля. Отлично сыграли. Но! Увы! Проиграли!

ТОПЬ: Возможно мы проиграли...

ГУБЕРНАТОР: Не возможно, а точно. И сражение, и войну.

ТОПЬ: Почему же?

ГУБЕРНАТОР: Потому что уже через 15-20 минут все узнают, что спиленные ёлки – это ваша работа! Ууу! Провокатор! Как там телевизионщики, приехали?

АТЛЕТ: Ждут.

ГУБЕРНАТОР: Местные?

АТЛЕТ: И местные, и федералы.

ГУБЕРНАТОР: Хорошо то как! А вы-то небось думали, что из-за ваших митингов что-то изменится? Как наивно! Да все же понимают, что не перемен вы хотите, а своей власти кусок. Был бы это ваш торговый центр, вы бы сами эти елочки под самый корешок, растолкав всех локтями, да еще и под музыку. Да что я вам объясняю – вы же, собственно, так и сделали! Хахаха! Да что вы как не родной, право! Дайте, я вас обниму!

Губернатор направляется к Топи, чтобы обнять того, но Топь достает пистолет и направляет его на губернатора.

ГУБЕРНАТОР: Владимир Эдуардович! Как же вы эдак... Не доглядели!

АТЛЕТ: Да кто же знал!

ГУБЕРНАТОР: А чего тут знать? Сложно было обыскать при входе?

АТЛЕТ: Да он по всем сводкам проходил как интеллигент...

ГУБЕРНАТОР: Да что теперь стоят ваши сводки!

АТЛЕТ: Да я как приказано – сразу сюда, под белы ручки!

ГУБЕРНАТОР: А своей-то головы у вас нет?!

ТОПЬ: Молчать! (*выстрел*) Вы еще подеритесь горячие финские парни.

Сыпется штукатурка. Звенит люстра. В кабинет вваливаются «спортсмены».

ТОПЬ: Спокойно, стоим не двигаемся. Как вы видите, пистолет заряжен. А вы, как я понимаю, не вооружены. Это печально, господа «актеры», что в ваших прекрасных шортиках не спрятать «ствол». По крайней мере, огнестрельный. Ну и кто из вас быстрее пули? Нет таких? Отлично. Все вышли вон. Вышли вон. Да что же вы какие тупые? Владимир Эдуардович, что же вы эдак не доглядели? Набрали тупорылых амбалов. Вон я сказал!

АТЛЕТ: Кругом! В колонну по одному шагом марш!

Спортсмены выходят. Шествие замыкает Атлет.

ТОПЬ: А вас, Владимир Эдуардович, я попрошу остаться.

АТЛЕТ: Зачем?

ТОПЬ: Старая русская традиция. Будем соображать на троих. Закройте дверь.

Атлет закрывает дверь.

ТОПЬ: Кидайте ключи мне. А сами присаживайтесь. В ногах правды нет. Тем более, если ноги в шортах.

ГУБЕРНАТОР: В баре есть водка. Хорошая.

ТОПЬ: Нисколько не сомневаюсь, что хорошая. Но пить мы не будем. Мы будем соображать в прямом смысле. Я предлагаю вам поразмыслить.

ГУБЕРНАТОР: О чем?

ТОПЬ: О том, зачем вы жили.

ГУБЕРНАТОР: Вот только не надо меня запугивать!

ТОПЬ: Вас так пугают мысли о смысле?

ГУБЕРНАТОР: Меня пугает глагол «жить» в прошедшем времени.

ТОПЬ: А зачем вам жить, если смысла нет?

ГУБЕРНАТОР: Есть.

ТОПЬ: Так какой же?

ГУБЕРНАТОР: Смысл жить?

ТОПЬ: Да.

ГУБЕРНАТОР: Прекратите. Я философских факультетов не кончал.

ТОПЬ: Зря

ГУБЕРНАТОР: Почему?

ТОПЬ: Потому что от ответа на поставленный мной вопрос сейчас зависит ваша жизнь.

Топь направляет пистолет на губернатора.

АТЛЕТ: Подождите! Смысл жить – чтобы жить лучше. Чтобы было больше возможностей.

ТОПЬ: О! Всё еще стараетесь его прикрыть? Исполняете свой долг до конца? Похвально! Но у меня на это есть теория зубной щетки. Вам интересно?

ГУБЕРНАТОР: Очень.

ТОПЬ: Конечно. А что еще ответить, когда глядишь в лицо этому одноглазому. Да что вы как не родной право, присаживайтесь.

Губернатор садится обратно в кресло.

ТОПЬ: В детстве, когда я жил с родителями, они покупали мне все нужное. Одежду там, еду. Шампуни, мыло ну и зубные щетки. Брали обычно на рынке, самую простую, за 15 рублей. Годам к семнадцати я стал самостоятельным, стал зарабатывать свои первые деньги. Ну, не много даже по тем временам – 3000 в месяц. И стал покупать щетку сам, в аптеке. И уже за 100 рублей. Я тратил все заработанные деньги, и в конце месяца у меня стабильно было ровно 7 рублей – доехать за зарплатой. А потом я устроился на новую работу и зарплата у меня выросла в 7 раз. Я купил себе электромеханическую щетку за 500 рублей, но видел и за 700, и за 1500, и даже какой-то «ядерный» комплекс за две пятьсот. А в конце месяца у меня оставалось ровно 7 рублей на проезд. Так прошло полгода. Я полгода тратил в 7 раз больше денег. А через полгода сломался. Потому что внезапно стало ясно, что я не стал счастливее. Ни в 7 раз, ни в 5, ни даже на одну сотую. Глядя на зубную щетку, которая стоила, считая, всю мою первую зарплату, и видя, что она даже не самая дорогая, я осознал тогда, что любую сумму можно потратить на зубную щетку. И не стать счастливее...

ГУБЕРНАТОР: Зачем вам это?

ТОПЬ: Что?

ГУБЕРНАТОР: Убивать меня

ТОПЬ: А вы, похоже, меня не слушали...

ГУБЕРНАТОР: Вас же посадят. А у вас наверняка семья, дети... Да, Владимир Эдуардович?

АТЛЕТ: Нет... Семьи, детей нет. Родители престарелые. Мать – учительница, отец – инженер, оба на пенсии...

ГУБЕРНАТОР: Вот. Вам родителей содержать надо. Вам в тюрьму никак нельзя.

ТОПЬ: Не беспокойтесь о моих родителях. О них позаботятся. Да и не посадят меня все равно – тут же не один патрон.

ГУБЕРНАТОР: Так вы что же... И себя?

ТОПЬ: Конечно. Вы же не можете мне объяснить, зачем жить. А такой большой уважаемый человек. Так что...

Топь передергивает затвор и направляет пистолет на губернатора.

ГУБЕРНАТОР: Подождите, я же говорю! Смысл жизни в детях. Заведите детей. О них заботиться надо. Вот вам и смысл.

ТОПЬ: Неудачная попытка. Если бы смысл жизни был в детях, то нам бы не дали разум. Посмотрите на животных – они прекрасно с этим справляются и вопросами о смыслах не мучаются. Детей можно делать и бессмысленно.

Топь вновь направляет пистолет на губернатора.

ГУБЕРНАТОР: Подождите... А вам не кажется, что нельзя всех под одну гребенку?

ТОПЬ: То есть?

ГУБЕРНАТОР: Вы не допускаете, что у разных людей может быть разный смысл? У меня – дети. А у вас... Не знаю. Просто не нашелся еще. Не допускаете?

ТОПЬ: Допускаю, допускаю... Дети – ваш окончательный ответ?

ГУБЕРНАТОР: Да!

ТОПЬ: Есть дети у нашего губернатора? Владимир Эдуардович, я к вам обращаюсь.

АТЛЕТ: Да, сын Максим. 25 лет, владелец строительной компании «СтройИнвестРегион», турфирмы «Вокруг света», сети магазинов «Домашний»...

ГУБЕРНАТОР: Хватит!

ТОПЬ: Хватит, хватит. Смотрю, о детях вы уже позаботились! Так что теперь с чистой совестью можно и на покой. На упокой...

ГУБЕРНАТОР: Я еще заведу!

ТОПЬ: Да хватит уже... Хватит. Подымайтесь.

ГУБЕРНАТОР: Зачем?

ТОПЬ: Пойдем на балкон, подышим воздухом, пообщаемся с народом. Нас ждут. Ну же! (*Губернатор поднимается*) А вы, Владимир Эдуардович, пересядьте в это кресло, не стесняйтесь, губернатор не против. И учтите, я хорошо стреляю. Так что лучше сидите спокойно, не двигайтесь. Стекла прозрачные, я все вижу.

Топь и губернатор на балконе. Топь держит пистолет у головы губернатора, балкон – сцена, Топь обращается к зрителям.

ТОПЬ: Вот эта мразь! Вот! Эта! Мразь! Вот эта мразь, что душила нас! Вот эта мразь! Нам нужно реальное повышение пенсий и зарплат, а не жалкие подачки! Да?

ТОЛПА: Да!

ТОПЬ: Нам нужна работающая система образования, а не ее развал! Да?

ТОЛПА: Да!

ТОПЬ: Нам нужна свобода выбора! Да?

ТОЛПА: Да!

ТОПЬ: Наше дело правое!

ВСЕ: Да!

ТОПЬ: Мы победим!!

ВСЕ: Даааа!

ТОПЬ: Скажем вместе: Я здесь прав!

ВСЕ: Я здесь прав! Я здесь прав! Я здесь прав!

ТОПЬ: Мы здесь власть! Мы здесь власть!

ТОЛПА: Мы здесь власть! Мы здесь власть!

ТОПЬ: Посмотрите на его карманы – они набиты нашими деньгами! Посмотрите на эту толстую харю – это его объедками нам приходится питаться! Посмотрите на страх в его глазах – он боится потерять то, что украл у нас! Разве своим трудом он достиг положения?! Нет!

ТОЛПА: Нет!

ТОПЬ: Хапнуть нефтяные вышки в смутное время – разве это труд?! Нет!

ТОЛПА: НЕТ!

ТООПЬ: Нефть – народу! Нефть – народу!

ТОЛПА: Нефть – народу! Нефть – народу!

В зале сидят подставные зрители, которые подхватывают крики «Нефть народу!», а может и раньше подкрикивая. В момент наивысшего галдежа раздаётся выстрел. Губернатор падает. Топь спихивает его тело с балкона вниз. Затемнение.

Действие четвертое

За столом губернатора сидят Атлет и Топь.

АТЛЕТ: Слав... А эти ёлки все же жаль.

ТОПЬ: Лес рубят – щепки летят, Володь. Гарнизон наш?

АТЛЕТ: Да.

ТОПЬ: Без эксцессов?

АТЛЕТ: Все как планировалось. Ты молодец. Все правильно разложил. Никаких долбанных соцсетей. Никаких сотовых. Лично. От человека к человеку, от человека к человеку – ногами, сам. Письма. Ты был прав. Никто теперь не проверяет эту бумагу. Насколько сильно было придумана эта шляпа с соцсетями, настолько простое нашлось противоядие. Я думаю, даже если бы что-то сорвалось и какое-то письмо попало бы к нам же, на него бы не обратили внимания. Они же считают, что все под колпаком. Ты молодец, Слава. Ты молодец.

ТОПЬ: Нас не задавят?

АТЛЕТ: Не успеют. Не должны успеть. Мы же тоже работаем.

ТОПЬ: Как думаешь, они уже понимают, что произошло?

АТЛЕТ: Думаю, еще нет.

ТОПЬ: Это хорошо. Это хорошо.

Молчат некоторое время

ТОПЬ: Скажи. Как ты вообще оказался на этой должности? Большой начальник. Силовик. Ты обязан быть встроенным в эту систему. Обязан быть повязанным со всей этой шоблой. Как губернатор вообще допустил, что на этой позиции оказался честный и независимый человек?

АТЛЕТ: Почему раньше не спрашивал?

ТОПЬ: А смысла не было.

АТЛЕТ: Почему?

ТОПЬ: Потому что если ты провокатор, то совершь. А если нет – то чего спрашивать.

АТЛЕТ: Почему тогда доверился, если считал что могу быть подставным?

ТОПЬ: Потому что задача не имеет другого решения. Все эти митинги-хуитинги показуха, разводка для лохов. Демократия хороша, когда не нужно принимать решений. А сейчас стране нужен тиран.

АТЛЕТ: Какой еще нахрен тиран?!

ТОПЬ: Древнегреческий. Правитель с неограниченными полномочиями, способный ограничить власть аристократии и провести реформы.

АТЛЕТ: А, ты в этом смысле, образовательном...

ТОПЬ: В изначальном. Демократия это кстати тоже... Власть свободных граждан, рабовладельцев. Так что сегодняшнюю демократию греки называли бы «охлократия».

АТЛЕТ: Чего?

ТОПЬ: Власть толпы по ихнему. Хотя, если смотреть как идут денежные потоки на выборах... Вполне себе древнегреческая демократия, рабовладельческая, в полном цвету... Ну так что, брат-тиран, как же ты на эту должность попал? Я ж тебя знаю. Ты честный мужик.

АТЛЕТ: Да как-как... Внезапно. Бывший начальник слишком много захотел. Уже была у него пара заводов, склады, таксопарк... И всё в руинах. Потому что отжать по силовому собственность он смог, а управлять ею – нет. Да и откуда ему уметь управлять заводом... Не тому учили. Ну и не доверял ему губер. Вот и решил в порядке исключения «честного мужика» как ты говоришь найти. Чтобы значит не создавал помех, не лез со своим интересом.

ТОПЬ: Расчет оправдался

АТЛЕТ: Не думаю, что он на такое рассчитывал...

ТОПЬ: А что за снайпер меня вёл, когда я на балконе речь толкал? Я, признаться, нервничал.

АТЛЕТ: А... Заметил? Молодец. Только не тебя, а губер. Я подстраховаться решил. Если вдруг ты не решишься нажать на курок.

ТОПЬ: Разумно. *(вдруг начинает смеяться)*

АТЛЕТ: Ты чего?

ТОПЬ: Да ты себя в зеркало видел?

Атлет оглядывает себя и начинает ржать. Раскрывается дверь. В кабинет вбегает певица бросается Топи на шею.

ПЕВИЦА: Славочка, Славочка! Что же мы наделали...

ТОПЬ: Всё хорошо, успокойся, всё хорошо... Где тут коньяк?

АТЛЕТ: Сейчас.

ПЕВИЦА: Что же теперь будет...

ТОПЬ: Успокойся. Как тебя сюда пропустили? Внизу пост на месте? Снаружи кабинета есть кто-нибудь?

ПЕВИЦА: Да, с автоматами ОМОН стоит в масках.

ТОПЬ: Как блядь ОМОН?!

ПЕВИЦА: Что теперь будет...

АТЛЕТ: Не ссы, это свои.

ТОПЬ: Свои? А как же ты прошла?

ПЕВИЦА: Володя мне «вездеход» сделал...

ТОПЬ: Какой еще вездеход? Ты в лес собралась? Володь, она бредит?

ПЕВИЦА: Мы же его убили...

АТЛЕТ: Да пропуск я ей сделал категории «езде пропускать», «вездеход» по-нашему.

ТОПЬ: А мне почему не сделал? Да давай коньяк уже!

АТЛЕТ: Почему не сделал? Сделал. Держи. *(протягивает пропуск)* А это тебе *(протягивает певице коньяк)*. Слав, может тебе тоже накапать? В терапевтических целях?

ТОПЬ: Нет уж. Совсем не время пить.

АТЛЕТ: Правильно.

ПЕВИЦА: Я тоже не буду!

ТОПЬ: Пей. Тебе нужно. Пей. Вот, вот молодец. Держи конфету, заешь. Приходи в себя. Откуда там ОМОН в масках?

АТЛЕТ: Ребята переоделись уже. Что им все время в шортах-то гонять? Спасибо, кстати, за идею.

ПЕВИЦА: По-пожалуйста.

АТЛЕТ: Никогда бы не подумал, что искусство способно влиять на жизнь.

ТОПЬ: Так, Аня, спокойно, мы же успокаиваемся, да? Он искренне.

АТЛЕТ: А что я такого сказал? Реально ведь – эта идея с кино сработала. Губер, кстати, очень радовался, что так ловко можно будет вас всех обусть. Да и подстраховка вышла хорошая. Ребята все конечно свои, но я ведь им сути до конца не рассказывал. Предупредил, чтобы без моей команды не рыпались – так ведь все равно, слышали выстрел, вломились... Нет, оно конечно правильно, в такой ситуации. Но будь они при всех делах, Славку тут могли и положить. А кстати, знаешь, что Славка сказал про эти шортики?

ТОПЬ: Володь, лучше не надо, а? Лучше переоденься сходи.
 АТЛЕТ: Точно – пойду оденусь. А то опять тебя на смех разберет.
 ТОПЬ: Ага, и ствол захвати!
 АТЛЕТ: Будет исполнено!

Атлет удаляется

ТОПЬ: Что в городе?
 ПЕВИЦА: Не знаю... Я сразу сюда примчалась, как только оркестр на автобус посадила. Что теперь будет... Мы же его убили...
 ТОПЬ: Ну для тебя-то это не новость.
 ПЕВИЦА: Не новость... Но одно дело – план, другое дело – факт...
 ТОПЬ: Вот и не переживай. Дальше тоже всё будет по плану. Дальше тоже будут факты. Лучше выпей еще.
 ПЕВИЦА: Не буду...
 ТОПЬ: Заставлять не буду.

Певница пьет

ТОПЬ: Молодец. И за площадь тебе спасибо. Все грамотно сделала. Держала их в кулаке.
 ПЕВИЦА: Да что там...150 человек... Я же к тысячам готовилась... А все эта погода чертова... Смешала все планы...
 ТОПЬ: Вот потому и молодец. Не «потекла». А погода... Слава богу, что снег перестал в итоге, а то бы вообще пролетели.
 ПЕВИЦА: А елки все-таки жалко...
 ТОПЬ: Да что вы заладили «жалко-жалко»! Нам нужна была провокация. У нас не было другого выхода, ты же это понимаешь!
 ПЕВИЦА: Не ори на меня! Я все прекрасно понимаю! Понимаю, что выхода не было... Но елки все равно жалко.
 ТОПЬ: Извини... Есть там листок с ручкой?
 ПЕВИЦА: Да...
 ТОПЬ: Пиши. «Реквизировать у ООО «Ландшафтный дизайн плюс» 5 (пять) голубых елей (Picea glauca) для посадки в парке на центральной площади города вместо уничтоженных предыдущей преступной властью».

Входит атлет.

АТЛЕТ: Ну что, пора выдвигаться...
 ТОПЬ: У нас есть еще минут 10, садись. А ты еще выпей.
 ПЕВИЦА: Да хватит уже...
 ТОПЬ: Выпей. Ты за нас всех празднуешь. Давай, за победу (*певница пьет*). Не слышал, что там в городе говорят?
 АТЛЕТ: Нет. Мне почему-то сейчас вдруг стало интересно, что про нас скажут через 100 лет.

ТОПЬ: Я тебе скажу, только ответь мне на один вопрос.

АТЛЕТ: Хорошо.

ТОПЬ: Что всегда плавает сверху?

АТЛЕТ: Говно.

ТОПЬ: А почему те, кто плавает с верху общества, называются сливки, не думал?

АТЛЕТ: Пёс его знает.

ТОПЬ: Потому что говно само решает, как себя называть. Говно вообще все решает. Потому что оно всегда сверху.

ПЕВИЦА: А как же криминал?

ТОПЬ: Если это реальное говно – то тоже сверху. А если мелочовка – шлак. На дне. Шлак не плавает. А посередине вода. Мутная вода, которая мечтает стать говном.

АТЛЕТ: То есть, по-твоему, мы теперь тоже говно? И назовут нас говном?

ТОПЬ: А ты думал, нам спасибо скажут?! Нельзя убрать одного человека и изменить страну! Стране пахать надо! Лет двадцать или тридцать! А народу говорят, что вот уберем одного человека, воровство прекратится и заживем. А не заживем! Пахать надо! Работать много, а получать мало. Но под этот лозунг и 20 человек не соберешь. Не то что 10 000. Передел нужен глобальный. Стрижка только начата... Поэтому только такое решение. Что-то я проголодался. Есть тут чего перекусить?

АТЛЕТ: Да вон целый холодильник.

ТОПЬ: Мать божья... Да это не холодильник, это целый гастроном... Балыки-колбасы, сыры-пармезаны, огурцы и помидоры... Ананасы... О! Икра. Дай-ка я попробую, за что ее так губернатор не любит.

Делает бутерброд и начинает есть.

ТОПЬ: Не понимаю. Вкусно. Что он выкареживался. Врал наверное... Это на него похоже. Вкусно же.

ПЕВИЦА: Пойдем, «Дракон». Пора.

ТОПЬ: Пойдем.

Топь забирает банку с собой. Все уходят со сцены. Занавес.